и В. Ф. Ржигой[11] приписывалась известная муромская Повесть о Петре и Февронии. Некоторые исследователи[12] не согласились с принадлежностью Повести о Петре и Февронии перу Ермолая-Еразма, на основании чего считали, что и Сказание о епископе Василии написано не им. А. А. Зимин подверг критике эти скептические высказывания и подтвердил авторство Ермолая-Еразма.[13]

Ни в одной из работ, касавшихся Повести о рязанском епископе Василии, эта Повесть не рассматривалась как исторический источник. Только Н. Серебрянский обронил мысль, что Повесть посвящена перенесению епископской кафедры из Мурома в Переяславль-Рязанский.[14] Вероятно, такое отношение к Повести объясняется тем, что в ней, как и в Житии князя Константина, есть много противоречий. Попытаемся разобраться в этих противоречиях.

*

Сказание о епископе Василии в составе Жития князя Константина известно в трех редакциях: пространной, средней и сокращенной. Архим. Мисаил считал исходной пространную редакцию, представленную рукописью из Сборника Московской синодальной библиотеки (№ 6, лл. 39—114), и датировал ее временем «вскоре после 1552 г.».[15] Н. Серебрянский считал древнейшей среднюю редакцию, известную по «Памятникам старинной русской литературы» К. Кушелева-Безбородко, относя ее ко второй половине XVI в.[16] Сказание о епископе Василии с фактической стороны в обеих редакциях одинаково, поэтому можно исходить из опубликованной средней редакции.

Здесь нет необходимости подробно излагать содержание Сказания. Сущность его сводится к тому, что муромский епископ Василий, поставленный князем Юрием Ярославичем, был несправедливо обвинен вельможами и боярами Мурома в неправедной жизни. Епископ взял из Борисоглебского храма Мурома местную святыню — икону богоматери и, разостлав на реке Оке свою мантию, за 6 часов был перенесен на ней против течения реки в Старую Рязань, где был радостно встречен князем Олегом и всем церковным собором. После этого рязанская епископия «нарицает же ся и до днесь Борисоглебская, одержания ради града Мурома светому князю Глебу». Принесенная же епископом Василием икона богоматери «и доныне в Рязани есть». В заключении Повести автор говорит: «хотех бо распространити и не вем, како написати, понеже оттуду много лет преидоша, и аз о сем недобре свем, и боюся, да не явлюся глаголя ложь. Якоже слышах, тако и написах».[17]

Как видим, в опубликованных редакциях Сказания не говорится о Переяславле, а также о том, какой из рязанских епископов, носивших имя Василия, имеется в виду. Между тем на рязанской кафедре было два епископа Василия. О первом известно лишь то, что он умер в 1295 г.[18]

---

[11] В. Ф. Ржига. Литературная деятельность Ермолая-Еразма. — ЛЗАК, в. XXXIII (1923—1925). Л., 1926, стр. 112—147.

[12] М. О. Скрипиль. Повесть о Петре и Февронии Муромских в ее отношении к русской сказке. — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 132, 215, 224; Ю. А. Яворский. К вопросу о литературной деятельности Ермолая-Еразма, писателя XVI в. — Slavia, ročnik, IX. Прага, 1930—1931, стр. 279—298.

[13] А. А. Зимин. Ермолай-Еразм и Повесть о Петре и Февронии. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 232—233.

[14] Н. Серебрянский, стр. 245—246.

[15] Труды, стр. 18, 25.

[16] Н. Серебрянский, стр. 243, 245.

[17] Памятники старинной русской литературы, в. 1, стр. 235—237.

[18] ПСРЛ, т. I. СПб., 1846, стр. 208 — В Никоновской летописи указан 1294 г.